

Л.С. МАМУТ

## 1990-е и 2000-е: прошлое – будущее настоящего

В статье дается сравнительный анализ двух основных периодов новейшей (постсоветской) истории России: оценка состояния общества и системы государственных институтов.

**Ключевые слова:** история, социум, государство, революция, свобода, культура.

The article presents a comparative analysis of two major periods of modern (post-Soviet) Russia's history: assessment of the state of society and of public institutions.

**Keywords:** history, society, state, revolution, freedom, culture.

Текущий 2011 год в истории – особенный. 20 лет назад родилась новая, современная Россия. Время ее существования по социально-хронологическим меркам невелико, но этот период распадается на две не одинаковые по своему значению фазы: 90-е гг. XX в. (прошлое) и первое десятилетие XXI в. (настоящее). Во второй фазе продолжается (конечно, с известными модификациями) то, что было совершено в предшествующей первой фазе. Другого не дано. Прошлое – всегда будущее настоящего, которое к тому же (так или иначе) присутствует в настоящем, участвует в нем.

Есть люди, которые считают, что период 90-х гг. истекшего столетия был смутным, провальным, губительным и т.п. в судьбах страны. Например, А. Запесоцкий полагает, будто Россия в 90-е гг. XX в. шла по ошибочному, неправильному пути [Ученый... 2010, с. 8–9]. На вопрос, откуда происходит именование российских 1990-х гг. “лихими” (злыми, бедственными, криминальными), Л. Парфенов отвечает следующим образом: «Из госпропаганды. Эту трактовку 90-х навязывали, чтобы оттенить “благословенные” 2000-е. Пропаганду чуть притушили после кончины Ельцина, а потом запустили с новой силой в конце 2007-го. Все это продержалось до кризиса (разразившегося в 2008 г. – Л.М.), а после него стало неловко...» [Парфенов, 2010, с. 25]. Неловко стало по той причине, что характерное для прошлого, для так называемых “лихих лет”, остро болезненное состояние социума случилось в настоящем, в фазе стабильности, в “благословенные” спокойные годы. Позволю выразить несогласие с Парфеновым, заявившим, что квалификация 1990-х как “лихих” исходит лишь от органов “госпропаганды”. Ведь в унисон с ними действовали (и отчасти действуют) также иные структуры, весьма заинтересованные в принижении реального смысла тех лет.

Каков же общественно-исторический смысл последних десяти лет XX в.? На рубеже 80-х–90-х гг. минувшего столетия Россия вступала в стадию великих революционных преобразований. Мощь советско-коммунистического строя истощалась на

глазах, и 22 августа 1991 г. – день празднования победы над путчем ГКЧП – фактически стал днем кончины СССР. Сохранить социалистический Союз (пусть и “припудренный”, слегка подновленный) было невозможно. Стечение обстоятельств, приведших к его краху, достаточно проанализировано, хорошо изучено (см., например, [Шахрай, Станских, 2009]). Печалиться по поводу развала СССР, утраты “светлого прошлого” – значит, стремиться (вольно или невольно) реанимировать сугубо порочную идеологию и пагубную практику большевизма.

Шаги по радикальной политической, экономической, социальной, идеологической и т.п. трансформации страны обрели черты совершенно *неотвратимые* и *не терпящие проволочек* акции. Были необходимы незамедлительные кардинальные реформы, и уповать на их неторопливое, малозатратное, безболезненное проведение не пришлось.

Великие *революционные* преобразования, коими отмечены 90-е гг. прошлого века в России, имели свою *специфику*. К сожалению, о ней почти не говорят, темой специальных обсуждений не делают. Зря. Поскольку именно эта специфика неизменно должна быть в самом центре исследовательского интереса, в центре внимания и ученых, и публицистов. Привлекает в первую очередь та доминанта, что определяет специфику как раз новейшей российской революции – события поистине эпохального. Громадная страна *освободилась*, причем самостоятельно, из-под долголетнего ига советско-коммунистического строя, удушавшего и умертвлявшего ее.

Итак, великие *революционные* преобразования в России 1990-х гг., основательно менявшие устои экономики и социальной сферы, сферы политики и идеологии, ломавшие духовно-нравственный фундамент российского общества, представляли собой революцию *освободительную* – несущую избавление от большевистского тоталитаризма. В этом ракурсе и нужно ее прежде всего рассматривать [Лопатников, 2010, с. 25].

Радикальные перемены на историческом пути России (которую якобы “умом не понять”) в общем и целом оказались благотворными. Значительная их часть подтверждена и зафиксирована официально: закреплена в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Ее легитимность сомнений не вызывает. Одновременно страна возвращалась на магистральную стезю развития (прогресса) мировой цивилизации.

Специфика великих революционных преобразований в России 1990-х гг. заключалась в следующем:

– радикальные перемены в жизни страны осуществлялись (вопреки различным конспирологическим слухам, обывательским сплетням) под преобладающим влиянием глубинных *внутренних* импульсов-процессов, под воздействием *внутренне* обусловленных факторов. Революция не была навязана многонациональному российскому народу кем-то извне либо совершена наперекор его воле кучкой предателей-заговорщиков;

– преодоление тоталитарных порядков всегда и везде – дело в высшей степени трудное. В России оно оказалось особенное сложным: значительные слои населения переживали нелегкие, а подчас и трагические времена. Цена преобразований была весьма дорогой. Как пишет В. Согрин, “за либерально-радикальные реформы была заплачена очень высокая социальная цена” [Согрин, 2001, с. 253]. Тем не менее она несоизмерима с той запредельной ценой, которую российскому социуму неизбежно пришлось бы заплатить за отказ от кардинальных перемен, от движения по магистральной развития мировой цивилизации.

Примем за данность то констатируемое исследователями обстоятельство, что в Новой и Новейшей истории революции во многом провоцируются кризисом государственности, немощью государства [Мау, Стародубровская 2004, с. 418–420]. Современная история России тут вовсе не исключение, не аномалия. Вообще, на протяжении всего периода революционных потрясений остро чувствуется неспособность нынешнего российского государства эффективно контролировать совершающиеся в социуме процессы, направлять их в нужное русло. Институты государства на этапе

революции – слабосильные. Революция – время жестокого кризиса всей институциональной системы социума как такового<sup>1</sup>.

Одряхлевшие, отмирающие и исчезающие институты советско-коммунистического строя были уже не в состоянии предпринять что-либо основательное. А новые, нарождающиеся институты строя посткоммунистического не могли сразу стать действенными, в одно мгновение развернуть и использовать свой креативно-творческий, гуманистический потенциал.

Миссия любого государства (погружающегося на дно либо нарождающегося) состоит не в том, чтобы создавать рай на земле, но в том, чтобы бытие социально-стратифицированного общества не превратилось в ад, в подлинную социальную катастрофу. Работаящие государственные институты (какой бы ни была их общественно-групповая, социально-классовая ориентация) упорядочивают, организуют и стабилизируют жизнедеятельность упомянутого общества; они спасают его от сползания в бездну ада, от торжества хаоса, от анархии [Струве, 1991]. Подобное, однако, по плечу только крепким государственным институтам, твердо стоящей на собственных ногах государственности, которая обязана этим в первую очередь легитимности. Но во время революций у государства такого качества нет. Не было его и в новейшей российской революции.

Оттого объективная логика ее осуществления, развертывания вширь и вглубь резко интенсифицировала деструктивные процессы, разьедавшие Россию. Быстро их перебороть, в одночасье превозмочь не удастся никогда и никому. Преступность, ксенофобию, наркотические зависимости, социальную дезадаптацию, нормативно-ценностную аномию и т.п. истребить, выкорчевать без остатка при всем желании невозможно... А такие утопические попытки время от времени делаются.

На пике революционных свершений, имевших место в 1990-е гг. на территории России, серьезно усугубились негативные явления, сопровождающие всякую революцию. Усилилась дезорганизованность социального общежития, ощутимо снизилась управляемость делами общества, произошли крупный спад производства и, как следствие, падение жизненного уровня больших масс населения, сопровождавшиеся ростом социального расслоения. Возродились мифы почвенничества, традиционный правовой и легалистский нигилизм, ностальгия по советско-коммунистическим временам.

Революционные преобразования обернулись изрядными тяготами для многих категорий россиян. Людям должным образом не разъясняли, сквозь какие тернии им предстоит пройти, какие жизненные невзгоды претерпеть. Порой штурманы революции, руководствуясь самыми добрыми намерениями, стремились ускорить, форсировать объективное, закономерное течение социальных процессов, подстегнуть “клячу истории”. Некоторые мероприятия, вероятно, можно было бы вовсе не проводить (или же проводить другими способами и средствами) [Травин, 2010].

Ретроспектива – диспозиция удобная. Обвиняя кого-то в ошибках, просчетах, заблуждениях и т.д., непростительно, однако (при любых обстоятельствах), *выпадать* из истории; нельзя забывать о том, что у людей, организовывавших и возглавивших новейшую российскую революцию, подчас не хватало (да и не могло быть) требующихся по ситуации научных знаний и практического опыта; мешало им и романтически окрашенное восприятие происходящего вокруг. Да и просто не было времени: в условиях экономической катастрофы необходимо было немедленно реагировать на возникающие одна за другой локальные кризисные ситуации, и разрешение каждой из них нередко требовало компромиссов с умирающими, но еще сильными социальными группами.

Широкая масса населения, принимавшая участие в великих революционных преобразованиях последнего десятилетия XX в. (причем участвовала прямо либо косвенно, но не бессознательно), вовсе не была сплошь “белой и пушистой”. Разумеется, и массы тоже прикосновенны к реалиям, омрачавшим эти годы, – своей доверчивостью и нелюбознательностью, приспособляемостью к неприемлемым условиям жизни и примирением с ними.

---

<sup>1</sup> Проблема крушения институтов при революциях посвящена последняя книга Е. Гайдара “Смуты и институты” [Гайдар, 2009]; см. также ОНС, 2010, № 6, с. 5–36.

## От революции к “стабилизации”

Если 1990-е гг. (прошлое) – фаза наиболее острых и драматичных революционных преобразований в России, то нулевые годы XXI в. (настоящее) – фаза, общим маркером которой служит совокупность действий по *стабилизации* положения, создавшегося в стране на рубеже тысячелетий. Стабилизация институциональной системы российского социума означает придание ей устойчивости и прочности, возможных лишь при установлении порядка.

«Конечно, – отмечает Ф. фон Хайек, – термин “порядок” имеет давнюю историю в социальных науках, но в последнее время его избегают, главным образом, из-за его двусмысленности и ассоциации с идеей авторитаризма. Однако нам без него не обойтись...» [Хайек, 2006, с. 53]. Коль скоро без него не обойтись (Хайек прав), следует снять в современном менталитете с термина “порядок” двусмысленность и его ассоциации с идеей авторитаризма (он действительно способен их вызывать). Несомненно, поможет признание того, что есть порядок абстрактный (антипод хаоса, антипод полной неразберихи) и есть множество воплощающих его конкретных порядков, которые предназначены быть организованными состояниями для соответствующих им классов объектов (субъектов). Например, порядок казармы соответствует статусу солдата (гражданина, призванного на военную службу); тюремный порядок нормален, обычен для лиц, отбывающих наказание за преступления. Этими примерами подтверждается, что в государственно устроенном социуме один конкретный порядок другому конкретному порядку разн. Разнятся они качественно, в зависимости от своеобразия охватываемых ими категорий субъектов.

У революции своя динамика, свои закономерности. Одна из них заключается, в частности, в том, что надежное вращение подлинной революции в реально достижимые ею общественно-исторические пределы предполагает поначалу некоторое ее забегание вперед, определенное преувеличение ее фактических возможностей. Затем наступает то, чего не миновать: с необходимостью приходит фаза корректировки такого “забегания вперед”. Кое-кто называет эту коррекцию “сдвигом влево”, “откатом назад”, “возвращением авторитаризма” и проч. Подобные и аналогичные им оценки получает, к слову, учрежденный в 2000-е гг. институт избрания глав субъектов Федерации по представлению Президента России взамен практиковавшегося, как правило, в 1990-е гг. их прямого выбора электоратом.

Такой естественный процесс корректировки, воспринимаемый значительными слоями населения (с тем или другим знаком) как попытка реставрации, находит отражение во многих трудах, трактующих историю последних десятилетий. На материале последних 20 лет отечественной истории пишется опус *о прошлом как о будущем настоящего*. Проясняется, в каких формах прошлое влияет на настоящее и присутствует (участвует активно) в нем, детерминируя, в особенности, государственно-институциональную систему социума. Не случайно в последнее десятилетие значительный интерес отечественных ученых вызывает известная западная теория *path dependence* – зависимость от предшествующего развития.

Одна форма влияния институтов государств прошлых лет на сегодняшнюю государственность и, соответственно, участие в ней – их перетекание в неизменном виде в настоящее и функционирование в нем в качестве составной органической его части. Другая форма – когда институты государства прошлых лет воспринимаются людьми как продукты уже прошедшего времени и явно отождествляются с ним. Пример – у госучреждений, обладающих судебными публично-властными полномочиями, устойчива репутация, сформировавшаяся в первой посткоммунистической фазе отечественной истории, как институтов, несущих в себе все признаки, привычные для старого типа государства. Однако они существуют и работают в России нынешней. Наконец, третья форма: прошлое институтов уже посткоммунистической российской государственности запечатлевается лишь в сознании россиян, отпечатывается как их память [Савельева, Полетаев, 2005, с. 169–170]. Память, аккумулирующая, организующая и сохраняющая прошлое, делает возможным и неотвратимым его “всплытие”,

повторение в практике настоящего. Она по-своему единой нитью связывает прошлое с настоящим и будущим.

Формы, в которых прошлое перетекает (перемещается) в настоящее и присутствует в нем, как-то отражаются в сознании. Но такое отражение едва ли касается действия конструктивных и деструктивных элементов прошлого, мигрировавших в настоящее и расположившихся в нем, то есть не отражает *содержательный* аспект. А ведь в этом соль. Что же занести в разряд конструктивно-деструктивного для социума? Конструктивно, плодотворно все то, что способствует превосходству качества социального общежития настоящего над качеством общественного уклада прошлого. Деструктивно то, что рвет, разрушает социокультурную ткань общества, ведет к его вырождению.

Наглядно проступает превосходство институтов российской государственности, сформировавшихся на протяжении 1990-х гг., над государственно-институциональной системой развалившегося советско-коммунистического строя. Во всяком случае, эти институты были предназначены для того, чтобы опосредовать *свободу*, утверждавшуюся в России. Не столь прямолинейным и однозначным представляется соотношение содержательных и формальных сторон системы институтов государственности, свойственных первым двум (неодинаковым по времени и смыслу) фазам российской посткоммунистической истории.

При рассмотрении этих двух фаз необходимо обозначить те критерии, согласно которым определяются конструктивные и деструктивные для жизнедеятельности социума факторы (элементы). Одним из таких критериев можно считать соответствие (либо несоответствие) тренду данного периода времени. Этот критерий может существенно изменять – в зависимости от обстановки – знак своей общесоциальной функции.

Так, в 1990-е гг., на которые в России пришелся пик революционно-освободительных преобразований, замещение должности главы администрации субъекта РФ происходило, в основном, посредством его прямого избрания электоратом. В тот исторический момент подобный институт был уместен: он играл конструктивную роль. Но в фазе *стабилизации* (нулевые годы XXI в.) конструктивная роль упомянутого института резко снизилась. После того, как миновал пик российских революционно-освободительных преобразований и на пороге третьего тысячелетия в России возник качественно новый тренд, вполне естественной оказалась замена этого института выборов другим, в гораздо большей степени отвечающим настоящему времени, к тому же несколько не противоречащим Конституции РФ.

Но существуют факторы, которые искони и всегда играют в обществе только деструктивную роль (преступность, социальная дезадаптация, ксенофобия и т.п.) или те, чья деструктивная роль может быть изжита (вернее, сами они могут быть аннигилированы): упадок организованности и управляемости, низкий уровень политико-легалистской культуры, болезненная, отдающая ретроградством тоска по прошлому, и т.п.

Итак, возникает вопрос, волнующий общественное мнение, публицистику, журналистику, СМИ: для среднестатистического россиянина “лихие 90-е” годы были лучше или хуже, чем последовавший за ними этап стабилизации? В контексте проблемы, обозначенной в данной статье, так ставить вопрос нельзя. Во-первых, он не связан напрямую с объектом, который анализируется, – с институтами государства. Во-вторых, сравнение системы институтов государства, существовавших на разных фазах истории посткоммунистической России, обнаруживает, в конечном счете, тенденцию их (этапов) противопоставления по типу “плохой–хороший”. Это в корне ошибочно.

Можно найти черты как сходства, так и различия в существовании институтов российской государственности в рассматриваемый, надвое разделившийся исторический период. Несовпадающих черт столь много, что практически невозможно их перечислить. Остается довольствоваться упоминанием лишь некоторых. Фазы посткоммунистической трансформации системы институтов государства были асинхронными, занимали различное историческое время, сменяли одна другую. Соответственно, и вызовы (потребности) каждого отдельного временного периода, его тренды были, конечно, специфическими, только ему свойственными. Не всегда одинаков конкретный состав системы институтов государства в этих двух фазах общественного развития. Часть институтов, присущих той или иной фазе, уходила в тень, другая – видоизме-

нялась, третья – вообще исчезала с политической сцены, четвертая – впервые появлялась в названной системе. Отнюдь не всегда одинаково на протяжении всего периода российской посткоммунистической трансформации действовали работавшие институты системы. Кроме того, иные люди оказывались задействованными (в том числе в качестве руководителей) в государственных институтах Российской Федерации, они несли с собой индивидуальный стиль работы, который отражался на стиле и на последствиях функционирования соответствующих институтов.

Немаловажную роль в судьбах системы государства на каждой из отдельно взятых фаз российской посткоммунистической истории играл внешнеполитический фактор, расклад сил на международной арене. Ясно, что первая фаза протекала под знаком называемого доминирования в мире одной сверхдержавы; для второй фазы характерно постепенное становление более сбалансированной, многополярной политической организации планеты.

Если несовпадающих измерений этих двух фаз практически не счесть, то количество совпадающих величин (измерений) вполне обозримо. Во-первых, это стадии одного и того же процесса – посткоммунистической трансформации институтов государства современной России. Во-вторых, *система* таких институтов *в целом* на протяжении данной трансформации (она идет и по сей день) оставалась такой, каковой сложилась в момент своего образования. В-третьих, деятельность (культура) людей, приводящих в движение образовавшиеся в 1990-е гг. институты государства, существенно не менялась: она, как и прежде, отличается не очень высокой эффективностью. Разумеется, список перечисленных совпадений не исчерпывающий. Однако всего того, что уже было сказано о несовпадающих и совпадающих измерениях двух фаз эволюции системы российской посткоммунистической государственности, на мой взгляд, достаточно для итогового вывода.

Во-первых, нельзя определять состояние системы институтов государства, исходя из самочувствия отдельного среднестатистического гражданина. Во-вторых, каждой из двух фаз эволюции системы российской посткоммунистической государственности (“лихие девяностые” и “спокойные” нулевые) присущи как позитивные, так и негативные качества: нельзя оценивать эти фазы по шкале “хороший–плохой”. Обе они (но каждая по-своему) для социума и хороши, и плохи *одновременно*.

Прошлое не просто “пересаживается” в настоящее. Оно модифицируется и модернизируется, осовременивается. Каково прошлое страны, таково (в самых общих чертах) ее настоящее. Изменить прошедшее человеческими усилиями нельзя. Но можно и нужно на деле участвовать в модификации и модернизации прошлого. Прошлое, пути и средства его трансформации в настоящее должны тщательно и всесторонне исследоваться. России пора перестать быть страной невыученных уроков всемирной истории.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е.Т. Власть и собственность. Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009.
- Лопатников Л.И. От плана к рынку. Очерки новейшей экономической истории России. СПб., 2010.
- Мау В.А., Стародубовская И.В. Великие революции, от Кромвеля до Путина. М., 2004.
- Парфенов Л. Дело было наемдни // Аэрофлот, ноябрь 2010.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом. М., 2005.
- Созрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.
- Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991.
- Травин Д.Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. СПб., 2010.
- Ученый и власть: круглый стол, 12 ноября 2009 г. СПб., 2010.
- Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.
- Шахрай С.М., Станских С.Н. Мифы и факты о распаде Союза ССР // Распад СССР: документы и факты (1986–1992). В 2 т. Т. I. Нормативные акты. Официальные сообщения. М., 2009.